

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Жуковский и время

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2007

И.А. Айзикова

В.А. Жуковский в истории Российской Академии

Как известно, Императорская Российская академия, отдельное от Императорской академии наук заведение, была учреждена 21 октября 1783 г. по докладу кн. Е. Дашковой, ставшей ее первым президентом. Российская академия создавалась по примеру французской для разработки отечественного языка и словесности. Среди ее первых членов были ведущие русские писатели: Державин, Фонвизин, Княжнин, Богданович. Этой традиции следовали и в XIX в. Так, 5 октября 1818 г. в члены Российской Академии был «всемиловитейше пожалован» В.А. Жуковский¹. Кандидатура его была выдвинута президентом Академии А.С. Шишковым на собрании, проходившем 21 сентября 1818 г., тогда же состоялись и предварительные выборы². Предлагая «в силу Устава на упалые в Академии места <...> к избранию в действительные члены оныя господина коллежского асессора Василия Андреевича Жуковско-го», А.С. Шишков указал на «отличный дар слова, блистающий в его стихотворениях», который, с точки зрения президента, и «дает ему неоспоримое право ко вступлению в сие почтенное сословие»³.

13 октября 1818 г. Жуковский писал непременно секретарю академии П.И. Соколову благодарственный ответ на полученное письмо-извещение об избрании его в члены Академии:

Милостивый государь
Петр Иванович!

Я имел честь получить ваше письмо и приложенный при оном Диплом. Спешу принести вам, милостивый государь, мою благодарность за доставленное. Императорская Российская Академия, наименовав меня своим членом, оказала мне честь неожиданную. Сие лестное избрание почитаю не наградою заслуженною, но более одобрительным вызовом заслужить награду, вызовом, который принимаю тем с большею благодарностью, что не почитаю себя вправе искать оказанной мне чести. Употреблю все усилия, чтобы несколько более оправдать благосклонное мнение Академии.

Примите, милостивый государь, уверение в моем искреннем почтении и в той совершенной преданности, с коими честь имею быть,

милостивый государь,
вашим
покорным слугою
Василий Жуковский

Октября 13 дня
1818⁴.

Никто из ближайшего окружения Жуковского, включая арзамасцев, не увидел во вступлении Жуковского в члены шишковской Российской академии ничего негативного. Только П.А. Вяземский иронизирует по

этому поводу в письме к Д.В. Дашкову: «Сперва писал он для немногих, теперь ни для кого <...> его упрятали в Российскую академию». Приведя этот факт, современный биограф Жуковского В. Афанасьев справедливо указывает: «Впрочем, и Вяземский не мог не понимать, что это был не союз с Шишковым, а официальное признание литературных заслуг <...> Жуковского»⁵. Любопытно в связи с этим указать на то, что ни в дневниках, ни в переписке с родными и близкими Жуковский не упоминает об этом событии. Осенью 1818 г. он озабочен, прежде всего, своей педагогической деятельностью, подготовкой пособий для уроков с великой княгиней Александрой Федоровной⁶. Кроме того, на октябрь 1818 г. приходится начало знаменитых «суббот Жуковского»⁷, которые исследователи называют своеобразной «академией словесности»⁸. Именно в этой «академии», как известно, состоялось первое чтение Пушкиным первых песен «Руслана и Людмилы»⁹.

***

Как отмечает автор «Истории Российской академии» М.И. Сухомлинов, Жуковский «изредка, очень изредка посещал академию»¹⁰. В частности, в «Истории...» указано, что поэт присутствовал на академических собраниях 19 октября, 5 и 21 декабря 1818 г., 10 мая 1819 г., 2 декабря 1822 г., 14 января 1823 г.¹¹ Некоторые из этих собраний носили рабочий характер. Например, 21 декабря 1818 г. на конференции проводились очередные выборы¹², а также было принято (по предложению А.С. Шишкова) решение «избрать из гг. членов особое Общество, под названием Рассмотрительного комитета», в функции которого входил отбор сочинений и переводов, изданию которых Академия бралась оказывать материальное «вспоможение»¹³. Академическое собрание, проходившее 10 мая 1819 г., также было посвящено выборам новых членов Академии¹⁴. Жуковскому доводилось присутствовать и на подготовительных (к торжественным годичным конференциям) академических собраниях. Таковыми были заседания 19 октября 1818 г., 2 декабря 1822 г. На них предварительно зачитывалось то, что предназначалось для торжественных собраний, которые состоялись соответственно 5 декабря 1818 г. и 14 января 1823 г.

Торжество 5 декабря 1818 г., на котором присутствовал Жуковский, подробно описано в «Известиях Российской академии». На нем выступили с речами А.С. Шишков и П.И. Соколов, кн. С.А. Шихматовым была прочитана «Ода на обновление Императорской Российской академии». И.А. Крылов читал свои басни. «Наконец, как посетителям, так и членам Академии розданы были, по экземпляру, недавно вышедшие

книжки»¹⁵. Центральным событием конференции стала речь Н.М. Карамзина, сочиненная им по случаю избрания в действительные члены Академии и лично прочитанная в академическом собрании. Эта речь, продолжавшая полемику шишковистов и карамзинистов, касавшаяся не только проблем русского литературного языка, но и новой концепции искусства, своим пафосом, комплексом идей очень близка Жуковскому, его позиции в названной полемике¹⁶. Прежде всего, следует назвать изначально разделявшиеся Жуковским мысли Карамзина о невозможности ориентации современной литературы на древние образцы, о плодотворности диалога русской и западноевропейской культур, об универсальном характере духовных ценностей. Принципиальным для первого русского романтика была и идея Карамзина об индивидуальной специфике выражения общечеловеческого, зависящей от личных особенностей таланта, менталитета автора. Наконец, Жуковский, вслед за Карамзиным, всегда отстаивал тезис, ставший центральным в карамзинской речи, – о «беспрестанном движении живого слова»¹⁷. Прозвучавшие в академическом собрании слова Карамзина о том, что «богатство языка есть богатство мыслей», что «успехи языка и словесности свидетельствуют о превосходстве народа, являя степень его образования», что «систематическое образование языка <...> зависит от <...> успехов словесности», т.к. «слова не изобретаются академиями: они рождаются <...> в употреблении языка, <...> в произведениях таланта, как счастливое вдохновение»¹⁸, напрямую перекликаются с убеждениями Жуковского, которые он сформулировал еще в начале 1800-х гг. в процессе чтения «Рассуждения о старом и новом слоге» А.С. Шишкова, а затем развивал на протяжении всего своего творчества.

Торжественная конференция 14 января 1823 г., на которой, думается, не случайно присутствовал Жуковский, также была связана с именем Карамзина. Она посвящалась чествованию автора «Истории государства Российского» и награждению его большой золотой медалью с надписью «Отличную пользу российскому слову принесшему»¹⁹. Конференцию украсило чтение Карамзиным отрывков из его «Истории государства Российского», кн. Шаховской читал в этом собрании второе явление из своей комедии «Аристофан», а Н.И. Гнедич – перевод из «Энеиды», выполненный Жуковским²⁰.

На торжественных годовых собраниях читались два перевода Жуковского, и оба, по просьбе Жуковского, – Н.И. Гнедичем. Скажем об этом по порядку. Так, в «Известиях Российской академии» сообщается, что на торжественном годовом собрании, бывшем 8 января 1820 г., после речи А.С. Шишкова «О происшествиях в академии и упражнениях ее в течении минувшего 1819 года», Н.И. Гнедич читал только что

законченный (в декабре 1818 г.) перевод «отсутствовавшего члена» Жуковского «Цейкс и Гальциона»²¹, первая публикация которого состоялась в «Известиях Российской академии»²².

Осенью 1822 г., «употребляя все усилия, чтобы несколько более оправдать благосклонное мнение Академии»²³ о себе, Жуковский снова соглашается на предложение А.С. Шишкова прочесть «что-нибудь» в публичном собрании Академии. Для чтения он выбирает свой перевод второй песни «Энеиды» Вергилия, опять обращаясь с просьбой прочитать его к «Николаю Гомеровичу», как он в шутку называл Н.И. Гнедича, который вполне оценил труд Жуковского, будучи сам в это время погружен в работу над гекзаметрическим переводом («Илиады»). 7 октября 1822 г. Жуковский пишет П.И. Соколову:

Милостивый государь
Петр Иванович

Вам угодно было знать от меня, имею ли что-нибудь для прочтения в публичном собрании Академии: я уже имел честь предупредить Александра Семеновича, что у меня к этому времени готовился перевод гекзаметрами второй песни «Энеиды». Он готов. Я не отвечал на почтенное письмо ваше от того так долго, что прежде желал переписать мой отрывок, дабы его вместе с письмом к вам доставить. Я поручил его Николаю Ивановичу Гнедичу, который соглашается и прочитать его в Академии, если найдет, что он может быть прочитан. Прошу вас уведомить об этом его, ибо я сам в это время не буду в городе.

Имею честь быть с совершенным почтением,
милостивый государь,
вашим
покорнейшим слугою
Жуковский

7 октября
1822²⁴.

Над этим переводом поэт работал в летние месяцы в Павловске. Называя свой труд «изучением латинского языка»²⁵, Жуковский создал первый в России перевод «Энеиды» (фрагмента) гекзаметром²⁶, чему придавал важное значение. В письме к Соколову он это тоже подчеркивает. «Некоторые места из второй песни Вергилиевой “Энеиды”, переложенной Василием Андреевичем Жуковским с латинского языка российскими экзаметрами», «исполнялись» Н.И. Гнедичем на двух академических заседаниях: 2 декабря 1822 г. и 14 января 1823 г.²⁷

Довольно часто Жуковскому приходилось участвовать в работе Академии заочно. Так, например, сохранился ряд писем Жуковского секретарям академии П.И. Соколову и Д.И. Языкову, являющихся своего рода заочным голосованием поэта по поводу избрания в действительные члены Академии таких кандидатов, как М.М. Сперанский, Д.Н. Блудов, С.С. Уваров, К.М. Бороздин (письмо от 5 ноября 1830 г.),

А.П. Ермолов (от 30 января 1832 г.), С.В. Руссов (от 5 января 1835 г.), архимандрит Иннокентий (в миру И.А. Борисов; письмо от 29 ноября 1835 г.)²⁸. Кроме того, Н.И. Гнедич имел доверенность от Жуковского подавать за него голос при избрании членов академии²⁹.

Некоторые из тех, за кого Жуковский заочно отдавал свой голос, были ему давно и хорошо известны. Например, Д.Н. Блудов был близким другом поэта, с которым он познакомился еще в начале 1800-х гг.³⁰ Высоко ценя эстетический вкус Блудова, поэт не раз обращался к нему с предложением о сотрудничестве. Жуковский и Блудов были, как известно, наиболее активными и видными деятелями «Арзамаса», его «устроителями»³¹. Второе издание своих «Стихотворений» (1818) Жуковский открывает посвящением Блудову. В письме А.П. Киреевской от 11 июня 1815 г. Жуковский так характеризует Блудова и свое к нему отношение: «Блудов – так же товарищ (как и А.И. Тургенев. – *И.А.*), <...> знакомец молодости, сбереженный посреди света и еще усовершенствованный»³². Дружеские отношения Жуковского и Блудова были прерваны смертью Жуковского.

Еще в 1810-е гг. Жуковский сблизился и с С.С. Уваровым, входившим, вместе с А.И. Тургеневым, Д.Н. Блудовым, Д.В. Дашковым, в состав «священного ареопага»³³, на суд которого поэт отдавал свои стихи и из недр которого рождалось «арзамасское братство», содружество, определившее литературно-эстетическую позицию «Арзамаса». М.М. Сперанский, вместе с Уваровым, Дашковым, Блудовым, бывал на знаменитых «субботах Жуковского»³⁴, а позднее, в 1830-е гг., их связало общее дело – воспитание наследника русского престола. Оба относились друг к другу с взаимным глубоким уважением³⁵. Во время своего пребывания в Киеве, в октябре 1837 г., Жуковский посещает Михайловский монастырь, где жил архимандрит Иннокентий, вместе с ним поэт побывал на Подоле, в Киево-Печерской лавре³⁶. А.П. Ермолова Жуковский тоже знал довольно близко, особенно в 1830–1840е гг. Поэт всегда очень высоко ценил известного генерала, героя Отечественной войны 1812 г., считая его «сподвижником» Кутузова, воспев его заслуги перед отечеством еще в 1812 г. в «Певце во стане русских воинов»: «Хвала сподвижникам-вождям! / Ермолов, витязь юный, / Ты ратный брат, ты жизнь полкам, / И страх твои перуны»³⁷. В 1837 г. Жуковский подарил Ермолову первый том своих «Стихотворений» (4-е изд.: В 9 т. СПб., 1835–1844) с дарственной надписью «Его высокопревосходительству, Алексею Петровичу Ермолову от автора, на память глубокого почтения», за которой следовало известное стихотворное посвящение³⁸.

В библиотеке Жуковского сохранились книги рекомендованных им в члены Российской академии авторов. Это «Общий план губернских

выставок» Д.Н. Блудова (СПб., 1836), именной экземпляр издания «Осьмое января 1851 года», посвященного 50-летию служебной деятельности Д.Н. Блудова, «О преподавании истории относительно к народному воспитанию» С.С. Уварова (СПб., 1813)³⁹. В состав библиотеки поэта вошли также книги С.В. Руссова «Замечания на Историю русского народа, сочиненную Н. Полевым (СПб., 1830) и «Замечания на II том Истории русского народа, сочиненной Н. Полевым» (СПб, 1830), архимандрита Иннокентия – одна из проповедей, переведенных на французский язык А.С. Стурдзой⁴⁰, «Жизнь св. апостола Павла» и изданные М.П. Погодиным «Сочинения Иннокентия» в 3 томах (М., 1843).

Письмо Жуковского к Д.И. Языкову – от 23 апреля 1837 г. – свидетельствует о предоставлении поэтом изданий своих сочинений в библиотеку Академии:

23 Апреля 1837

Милостивый государь
Димитрий Иванович.

Почитая обязанностью представить в библиотеку Российской Академии издание сочинений моих, имею честь препроводить к Вашему Превосходительству экземпляр сего издания. Прошу Вас благоволить представить его Академии.

Примите уверение в истинном почтении и преданности, с коими честь имею быть,
милостивый государь,
Вашего Превосходительства,
покорным слугою
В. Жуковский⁴¹.

В один день с этим письмом Жуковским было написано Д.И. Языкову еще одно, открывающее его участие в исполнении решения академического собрания, состоявшегося 30 января 1837 г. Приняв «с величайшею скорбью <...> печальное извещение» о кончине А.С. Пушкина, собрание «определило: во уважение заслуг, оказанных покойным российской словесности, написать на счет академии портрет его и поставить в зале собрания»⁴². Молодому художнику М.П. Вишневецкому⁴³, рекомендованному Д. И. Языкову конференц-секретарем Академии художеств В.И. Григоровичем⁴⁴, было поручено сделать копию с одного из лучших портретов Пушкина, принадлежащего перу О. Кипренского. Портрет этот находился в распоряжении Жуковского, с рокового дня смерти Пушкина всего себя посвятившего заботам о бумагах Пушкина, об издании его посмертного собрания сочинений, для которого портрет поэта кисти Кипренского должен был гравировать Н.И. Уткин. На просьбу Д.И. Языкова от 20 апреля 1837 г.⁴⁵ передать ему портрет для «снятия с оного копии» Жуковский ответил 23 апреля:

Портрета Пушкина теперь нет у меня, почтеннейший Дмитрий Иванович; он находится у фрейлины Загряжской, живущей в Зимнем дворце. Я возьму его от нее и вручу вашему живописцу, под вашу расписку. А он уже должен будет, кончив список, передать его Николаю Ивановичу Уткину, для гравирования к новому изданию. Уткин возвратит расписку.

Преданный вам
Жуковский.

Пришлите вашего живописца ко мне в воскресенье с вашею распискою.

1 мая 1837 г. Д.И. Языков довел до сведения академического собрания, что он получил от Жуковского портрет Пушкина и отдал его для снятия копии Вишневецкому, который в октябре 1837 г. представил в Академию сделанную им копию. «<...> по рассмотрению» ее и «по сравнению с подлинником» Академия приняла данную копию, выдав художнику «условленное вознаграждение»⁴⁶.

Еще одно письмо Д.И. Языкову, от 21 января 1838 г., Жуковский пишет в связи с награждением его золотой медалью академии. В академическом собрании 2 января 1837 г. президент Академии А.С. Шишков предложил «увенчать большою золотою медалью литературные заслуги» В.А. Жуковского. Присутствовавшие на заседании члены Академии «изъявили на эту награду свое полное согласие». Окончательное присуждение медали с надписью «Принесшему отличными стихотворениями своими немалую пользу и славу российской поэзии» состоялось 1 мая 1837 г., и тогда же было принято решение: «отослать Жуковскому медаль сегодня же»⁴⁷. 2 мая 1837 г., как известно, началось путешествие поэта с наследником по России, и он был уже в Новгороде. Приведем здесь указанное письмо Жуковского, в котором не только звучат слова благодарности поэта, но и объясняется причина столь долгого (почти год) отсутствия реакции Жуковского на высокую награду:

Милостивый государь
Дмитрий Иванович!

В самую минуту отъезда моего из С.-Петербурга имел я честь получить золотую медаль, которой Российская Академия благоволила меня удостоить.

Письмо, тогда же по сему случаю написанное мною к Вашему Превосходительству, было поручено одному из знакомых моих для доставления Вам; но теперь только узнал я, что оно было затеряно и, следственно, не могло дойти к своему назначению.

Спешу исправить невольную свою ошибку. Прошу Ваше Превосходительство изъявить мою живейшую благодарность перед моими почтенными сочленами за их драгоценный дар, который ценю весьма высоко и которого желал бы быть достойным. Не могу себе позволить сказать, что я до сих пор наравне с другими членами Академии содействовал ее успехам: обязанности другого рода препятствовали мне посвящать свое время занятиям литературы; несмотря на это, желаю сердечно и со временем надеюсь принимать деятельнейшее участие в полезных трудах моих сочленов, дабы чрез то приобрести большее право на лестное имя их товарища.

Примите уверение в истинном почтении и совершенной преданности, с коими честь имею быть

Вашего Превосходительства
покорным слугою
В. Жуковский

21 Генваря 1838.
С.<анкт>Петербург.

***

Высочайшим рескриптом на имя министра народного просвещения С.С. Уварова от 19 октября 1841 г. Императорская Российская академия была присоединена к Императорской академии наук как особое Отделение русского языка и словесности. В.А. Жуковский становится действительным членом Академии, одним из шестнадцати ординарных академиком этого отделения⁴⁸.

1840-е гг. поэт, как известно, проводит в основном за границей, практически не участвуя в работе Академии⁴⁹. Однако во всех отчетах Академии, в разделе о «частных занятиях» ее членов, упоминается имя Жуковского. Составитель отчетов П.А. Плетнев ведет своего рода летопись его творчества. Особенно пристальное внимание уделяется работе Жуковского над переводом «Одиссеи» «русскими стихами по размеру подлинника», с сохранением «самой простоты рассказа древних»⁵⁰. Этот перевод неизменно называется «украшением отечественной литературы», вносящим «чистый свет для суждений об искусстве», утверждающим «господство лучшего вкуса» и расширяющим «область знаний о человеке», а сам Жуковский называется «любимым русским поэтом», «лучшим из современных поэтов»⁵¹. Специально отмечена в академических отчетах работа Жуковского над сочинениями в прозе: «Это плод его постоянного ныне изучения истории, нравоучения и педагогики, трех предметов, которыми ум, сосредоточенный опытами и долговременным размышлением, по преимуществу любит заниматься. Сила и возвышенное направление таланта его достаточное представляет ручательство, в какой степени важно будет для нашей литературы появление этих новых сочинений»⁵².

Говоря в отчете Академии за 1851 г. о необходимости заняться составлением истории славяно-русской словесности, Плетнев указывает среди имен тех, кто в первую очередь должен в нее войти, В.А. Жуковского⁵³. А в отчете отделения русского языка и словесности за 1852 г. Плетнев сообщал основные тезисы академической беседы Председательствующего И.И. Давыдова на печальную тему «Памяти ординарного академика В.А. Жуковского». В основу беседы была положена мысль о том, что Жуковский являлся «образователем художественного поэтического русского языка и художественной народной словесности»⁵⁴. Выделив в

истории отечественной литературы начиная со второй половины XVIII в. 3 периода, один из них, третий, когда «образовался и язык, и словесность художественно-народные», И.И. Давыдов определяет именем Жуковского (первые два, с его точки зрения, прошли под знаком Ломоносова и Карамзина). В заслугу Жуковскому Давыдов ставит введение в русскую литературу нового направления, связанного с немецким романтизмом. С его точки зрения, поэт «остался навсегда верным этому новому направлению, этой поэзии, которую называют философией сердца» и которая, оказавшись «сродна каждому человеку», «произвела сильное влияние на нашу словесность: она воспитала все новое поколение»⁵⁵.

Материалы беседы И.И. Давыдова легли в основу его статьи-некролога, позднее опубликованной в «Известиях» Академии. Лейтмотивом статьи является мысль о том, что Отделение русского языка и словесности потеряло в Жуковском «украшение своё, а Россия лучшего провозвестника своей славы». Значение поэзии Жуковского автор видит в том, что она выразила «всё, что только есть прекрасного и высокого в природе и в человеке». «<...> эта поэзия ожидает не минутных похвал <...> В явлениях такого рода ниспосылаются для мыслящей части человечества благие уроки <...>»⁵⁶. Особое внимание И.И. Давыдов привлекает к гражданской позиции Жуковского, в первую очередь, к его деятельности в роли воспитателя наследника русского престола, которой были отданы «все сокровища возвышенной души» поэта. Наконец, очень высоко оценен вклад Жуковского в становление русского литературного языка. Наряду с Державиным и Пушкиным, Жуковский назван его «образователем», раскрывшим, «больше всех русских поэтов <...> богатство нашего языка и разнообразие форм его». «Бесполезно и даже странно, – утверждает И.И. Давыдов, – подражать» Жуковскому. Его «надобно только изучать, чтобы постигнуть те пути, которыми высший ум приводит нас к новым истинам»⁵⁷.

Примечания

¹ Избрание Жуковского в действительные члены Академии произошло одновременно с его назначением на должность наставника «в Российском языке при Ее Императорском Высочестве Государыне Великой Княгине Александре Федоровне». По высочайшему повелению с этого же времени Жуковский состоит «по министерству духовных дел и народного просвещения». См.: Формулярный список о службе В.А. Жуковского в кн.: *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 14. С. 413.

² В.А. Жуковский избирался в один день с Преосвященным Филаретом (Дроздовым). Оба были избраны единогласно. См.: *Сухомлинов М.И.* История Российской академии. СПб., 1885. Вып. 7. С. 466.

³ Известия Российской академии. 1819. Кн. 7. С. 123.

⁴ ИРЛИ (Пушкинский Дом). Далее – ПД. Ф. 184. № 154/2.

⁵ *Афанасьев В.* Жуковский. М., 1986. С. 185. Вяземский писал примерно в том же духе о вступлении Жуковского в Академию и А.И. Тургеневу: «И мы хотим усюветить Жуковского, а он показывает на Академию и говорит: «Там мне Шишков на братство руку дал», – и мы принуждены молчать». Жуковский вынужден был обратиться к Вяземскому: «Вот уж два письма от тебя к Тургеневу такие, которые мне не понравились. Ты шутишь и на мой счет <...> Я не желал бы, чтобы я и карикатура были всегда неразлучны в твоём уме <...>» (Цит. по кн.: *Афанасьев В.* Жуковский. С. 185).

⁶ На начало октября 1818 г. приходится работа Жуковского над переводом баллады Ф. Шиллера «Граф Гансбургский», который поэт использовал для учебных занятий, а впоследствии ввел в состав сборника «Für Wenige. Для немногих» (1818. № 5), и фрагментов из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве» См. об этом: *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 13. С. 129, 487, а также: *Лебедева О.Б.* Неопубликованный перевод отрывка из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве» В.А. Жуковского // Проблемы метода и жанра. Томск, 1980. Вып. 7. С. 179–185.

⁷ Одна из таких «суббот» запечатлена на известной картине группы художников, учеников А.Г. Венецианова «Субботнее собрание у В.А. Жуковского».

⁸ *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 13. С. 352.

⁹ См. об этом в статье П.А. Плетнева «Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова» в кн.: Сочинения и переписка П.А. Плетнева. СПб., 1885. Т. 2.

¹⁰ *Сухомлинов М.И.* История Российской академии. С. 76.

¹¹ Там же.

¹² Избирались в почетные члены Академии С.Б. Линде, член ряда европейских университетов и ученых обществ, в действительные – архимандрит Иннокентий, ректор Санкт-Петербургской семинарии и надворный советник И.И. Ястребцов. См.: Известия Российской академии. 1819. Кн. 7. С. 140.

¹³ Известия Российской академии. 1819. Кн. 7. С. 141–142. На заседании, состоявшемся 18 сентября 1820 г. в отсутствие Жуковского, он был избран в другой «особый комитет» – Попечительный, куда, кроме Жуковского, вошли И.И. Дмитриев, Н.М. Карамзин, В.В. Капнист, И.А. Крылов, Н.И. Гнедич, А.Ф. Воейков, А.Х. Востоков и др. Обязанности между комитетами были поделены так: Рассмотрительный комитет рассматривал сочинения и переводы прозаические, а Попечительный – стихотворные (Там же. 1820. Кн. 8. С. 23).

¹⁴ Избирались в действительные члены академии митрополит московский и коломенский, преосв. Серафим, в почетные члены – Н.А. Загряжский, а также обсуждалось предложение Шишкова «от лица академии вознаградить» свящ. Гавриила Покатского за переложение всей Псалтыри стихами. См.: Известия Российской академии. Кн. 7. С. 5–8.

¹⁵ Известия Российской академии. 1819. Кн. 7. С. 133–134.

¹⁶ См.: *Канунова Ф.З., Янушкевич А.С.* В.А. Жуковский – читатель и критик А.С. Шишкова // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Ч. 1. С. 105–123.

¹⁷ *Карамзин Н.М.* Речь, произнесенная на торжественном собрании Императорской Российской академии 5 декабря 1818 года // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 142.

¹⁸ Там же. С. 141, 142.

¹⁹ Такой же награды были удостоены в этот день И.И. Дмитриев и И.А. Крылов.

²⁰ См.: *Сухомлинов М.И.* История Российской академии. С. 68, 74–76.

²¹ Известия Российской академии. 1820. Кн. 8. С. 33. Вслед за чтением Н.И. Греча Н.М. Карамзин читал «некоторые места из неизданного еще 9-го тома его «Истории государства Российского» (Там же. С. 45–46).

²² Там же. С. 33–45.

- ²³ ПД. Ф. 184. № 154/2.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Жуковский писал об этом переводе Н.И. Гнедичу: «Учусь по-латински. Благослови, Отец!» (*Жуковский В.А.* Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 573).
- ²⁶ До сих пор поэму перевели прозой или александрийским стихом. Таков был перевод В.П. Петрова, который Жуковский просил у Гнедича (см. письмо от мая 1822 г.) и с которым он ознакомился, судя по другому письму к Гнедичу (от мая–июня 1822 г.).
- ²⁷ См.: *Сухомлинов М.И.* История Российской академии. С. 76.
- ²⁸ Вот, например, одно из таких писем, П.И. Соколову: Милостивый государь Петр Иванович. Имею честь известить Ваше Превосходительство, что я со своей стороны совершенно согласен на избрание в действительные члены Российской Академии Его Высочайшего Превосходительства Михаила Михайловича Сперанского и их Превосходительства Д.Н. Блудова, С.С. Уварова и К.М. Бороздина. Пользуюсь сим случаем, чтобы уверить Ваше Превосходительство в совершенном почтении, с коим честь имею быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою В. Жуковский. Сего ноября 5, 1830 (ПД. Ф. 184. № 154/2).
- ²⁹ Так, например, в «Известиях Российской академии» 1821 г. в описании заседания, проходившего 5 июня 1820 г., сообщается, что Н.И. Гнедич подал голос за отсутствовавшего В.А. Жуковского (по его доверенности) при избрании в действительные члены академии А.Х. Востокова (*Известия Российской академии.* 1821. Кн. 9. С. 11).
- ³⁰ См.: *Ковалевский Е.П.* Граф Блудов и его время. СПб., 1866. С. 21.
- ³¹ См.: *Иезуитова Р.В.* Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 31–34.
- ³² Уткинский сборник. М., 1904. С. 12.
- ³³ Из письма Жуковского к А.И. Тургеневу от 1 декабря 1814 г. (Письма В.А. Жуковского к А.И. Тургеневу. М., 1895. С. 131).
- ³⁴ См.: В.А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999. С. 437–438.
- ³⁵ См. письма М.М. Сперанского к дочери, письмо Жуковского к Сперанскому о взглядах на преподавание цесаревичу, написанное в 1830-е гг. (Русский архив. 1883. Кн. 1, № 1–2. С. 333–334). См. также дневники Жуковского (*Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 13. С. 390–393; Т. 14. С. 9, 21, 30, 34–36 и др.).
- ³⁶ См.: Дневники В.А. Жуковского // *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 14. С. 79.
- ³⁷ *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 1. М., 1999. С. 230.
- ³⁸ Книга Жуковского была лично переплетена Ермоловым и впоследствии вместе со всей библиотекой генерала была передана в дар библиотеке Московского университета.
- ³⁹ В первой половине 1810-х гг., в период интенсивных занятий историей, Жуковский с карандашом в руках прочитал эту брошюру, сделав на полях книги несколько записей и отчеркиваний. См. об этом: Библиотека В.А. Жуковского в Томске: В 3 т. Томск, 1978. Т. 1. С. 408–412.
- ⁴⁰ См.: *Лобанов В.В.* Библиотека В.А. Жуковского. Описание. Томск, 1981. № 1363.
- ⁴¹ ПД. Ф. 184. № 154/2. Скорее всего, речь идет о первом томе 4-го изд. «Стихотворений» Жуковского.
- ⁴² *Сухомлинов М.И.* История Российской академии. С. 84.
- ⁴³ См.: Список русских художников / Сост. С.Н. Кондаков. М., 2002. С. 50.
- ⁴⁴ См.: *Сухомлинов М.И.* История Российской академии. С. 493–494.
- ⁴⁵ См. письмо Д.И. Языкова В.А. Жуковскому: Там же. С. 494.
- ⁴⁶ Там же. С. 493.
- ⁴⁷ См.: *Сухомлинов М.И.* История Российской академии. С. 77.
- ⁴⁸ Почетным членом Императорской академии наук Жуковский был избран еще 29 декабря 1827 г., в один день с митрополитом Филаретом, А.Х. Бенкендорфом, П.П. Базеном

и С.Г. Строгановым). См.: Список членов ИАН. 1725–1907 / Сост. Б.Л. Модзалевский. СПб., 1908.

⁴⁹ Работа ОРЯС в эти годы во многом посвящена «первому и главному труду отделения» – составлению и изданию «Словаря церковно-славянского и русского языка» (под ред. А.Х. Востокова; 114749 слов). Не участвуя в этом проекте, Жуковский между тем горячо его поддерживал, после его выхода в свет выступал, вместе с Высокопреосв. Иннокентием, С.П. Шевыревым, за «потребность в пополнении Словаря». Председательствующему ОРЯС П.А. Ширинскому-Шихматову он писал в связи с окончанием работы Отделения (в 1847 г.) над словарем: «Я рад, что важное это дело кончено. Это первое издание свода законов русского языка. Надобно теперь каждые десять лет печатать новое и ежегодно выдавать дополнения. Я с своей стороны желал бы заняться этой работою, ибо в ней много привлекательного; но едва ли у меня достанет на это досуга. Еще на мне лежит работа, которую желал бы кончить прежде, нежели смерть навсегда остановит всякую работу – окончание “Одиссеи”, которой двенадцать песней уже напечатаны. Но эта работа почти входит в составление Русского лексикона: слова творятся необходимостью и утверждаются счастливым их употреблением. Переводя Гомера, необходимо нужно изобретать или самые слова, или их новое соединение; это обогащает и самый язык». (Отчеты ИАН по ОРЯС за первое десятилетие с его учреждения, составленные... П.А. Плетневым. СПб., 1852. С. 198–199; письмо написано не ранее апреля–мая 1848 г.). Интересно, что в 1848 г. под руководством ординарного академика И.И. Давыдова студентами Главного педагогического института было начато составление экспериментального указателя слов и выражений из сочинений Державина, Карамзина, Жуковского и Пушкина с целью использовать их для составления дополнений к словарю. В отчете за 1849 г. говорится об окончании работы над этим указателем (См.: Там же. С. 200, 249).

⁵⁰ Отчеты ИАН по ОРЯС за первое десятилетие с его учреждения... С. 44, 73.

⁵¹ Там же. С. 44, 253.

⁵² Там же. С. 268. В академические отчеты Плетнев вставляет довольно большие по объему фрагменты из писем Жуковского, посвященные проблемам перевода, «народной поэзии», замыслу «Повестей для юношества» (Там же. С. 132, 136).

⁵³ Там же. С. 365.

⁵⁴ Отчеты ИАН по ОРЯС за 1852–65 гг. СПб., 1866. С. 22.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 46, 47.

⁵⁷ Там же. С. 47.